

Наш земляк был на подпольном концерте Башлачева

ОН ПОВТОРИЛ судьбу многих великих поэтов. Неожиданно вспыхнул, оставив на небосклоне русской поэзии яркий - ни с чьим другим его не спутаешь - росчерк, и так же стремительно сгорел. От бессонных ночей, душевных метаний, водки, тоски и хронической бытовой неустойчивости - неизменных спутников поэтов в нашей стране. НЕ НАЗОВЕШЬ оригинальным (вспомните Есенина, Маяковского, Цветаеву) и его уход. Он только способ выбрал другой. Ровно 15 лет назад, в феврале 1988 года, Александр Башлачев, гениальный Саш Баш, как ласково окрестили его в питерской рок-тусовке, шагнул в оконный проем. Поэту было лишь 28...

Пензяку Владимиру Астахову посчастливилось побывать на "квартирнике" (квартирный концерт) известного барда. Своими воспоминаниями Владимир Борисович охотно поделился с нашими читателями.

- В середине 80-х я жутко увлекался рок-музыкой. Тогда на рокеров из-за их слишком "зубастых" текстов начались повальные гонения. Записи Агузаровой, Шевчука, Кинчева и даже Макаревича отслеживались и безжалостно размагничивались. Сами музыканты были вынуждены уйти в подполье и давать концерты исключительно на квартирах надежных людей. Эти выступления, естественно, записывались на любительские магнитофоны.

В Пензе я доставал записи через десятые руки у одного страшно законспирированного меломана-спекулянта. В Питере, по слухам, у него был приятель, входящий в рок-тусовку, который и снабжал его кассетами и бобинами.

Так ко мне однажды попала пленка с песнями Саш Баша. Сказать, что я был потрясен - ничего не сказать. Признанному мудрецу Гребенщикову с его неожиданными, но чересчур мутными и затянутыми аллегориями было бесконечно далеко до ярких и предельно лаконичных башлачевских образов.

... Осенью 1987 года я оказался в Питере по служебным делам и поселился в гостиничном номере с веселым словоохотливым москвичом Алексеем. Естественно, в какой-то момент я перевел наш беззаботный "треп" на "рокерскую" тему, заговорил о Башлачеве. "А, Саш Баш, как же, знаю! Вот такой парень! - прервал меня на полуслове сосед. - Он в нашей московской квартире несколько раз бывал, песни пел. Его девушка, москвичка, Настя Рахлина - подруга моей жены". Увидев, как заблестели мои глаза, Алексей кивнул на дверь: "Жди. В холле есть междугородние телефоны. Если Настя дома, мы обязательно что-нибудь придумаем".

Словами не передать, что я почувствовал, когда через десять минут сосед появился на пороге и торжественно объявил: "Пляши, пензяк, послезавтра идем на "квартирник!" Только о конспирации не забудь: четыре коротких звонка - по два через паузу - и пароль: "Мы от Рахлиной Насти".

В крохотную однокомнатную квартирку, что располагалась в облезлой "хрущобе" на улице Блохина, набилось человек пятнадцать. Из известных в андеграундных кругах людей здесь был лидер группы "Воскресенье" Алексей Романов. Присутствовало немало молодых, густо наштукатуренных девиц. На столе - чуть ли не единственным здесь предмете мебели - возвышалась гора бутылок с портвейном и холмик наструганных ломтей хлеба и колбасы.

Башлачев где-то на час задержался, а когда появился, быстро, не разуваясь, юркнул в комнату и схватил гитару. В свалывшемся свитере, испачканных в краске джинсах, с растрепанными волосами и огромными синюшными кругами под глазами, он был похож на спившегося художника. Бард бегло оглядел публику и сверкнул золотым зубом: "Ребята, все? Тогда начну, да?" И, не дождавись ответа, ударил по струнам: "Эх, долго шли зноем и морозами, все снесли и остались вольными. Жрали снег с кашею березовой и росли вровень с колокольнями..." За "Временем колокольчиков" последовали "Черные дыры", "Петербургская свадьба", "Грибоедовский вальс" и другие известные вещи. Паузы заполнялись неистовыми аплодисментами.

Через два часа Саш Баш устал настолько, что пот лился с него градом. Он судорожно опрокинул стакан портвейна и, сразу захмелев, взмолился: "Может, я все? Новых нет, другие не вспомню. Провал какой-то. Трудно".

Интересная деталь. Насколько красиво и правильно Башлачев писал, настолько односложно, обрывисто и даже коряво говорил. "Да он сейчас и на бумаге двух слов не сложит! - сказал мне кто-то, когда мы возвращались с концерта. - Знаешь, когда Башлачев свою последнюю песню-то сочинил? - Два года назад! Спился совсем. Помяни мое слово, не кончится это добром..."

Незнакомец оказался прав лишь наполовину. Саш Баш писал вплоть до самой своей смерти.

Денис АХРОМЕЕВ

